

Раньше он просто считал этого мальчишку упрямым, а порой — ненормально одержимым и категоричным. Теперь же стало ясно: какое там упрямство, он же просто ненормальный! Посадить ненормального на трон Императора — это же верная гибель. В вашем Королевстве Золотого Льва у всех в головах океан плещется, что ли?..

— Я и не говорил, что ты не сможешь его открыть, — вздернув подбородок, произнес Освальд. — Смирись. Когда отдохнешь как следует, я сам тебя освобожу. В ближайшие пару дней на твоём теле ещё будут появляться те раны.

— ...Только освободи меня, и я тебе как следует всыплю, — отозвался Кевин. — Чем старше становишься, тем больше от рук отбиваешься.

— Я велел приготовить кое-что. Запеченную крольчатину и печеные алые плоды. Помнится, раньше тебе они очень нравились, — Освальд с серебряным подносом в руках собрался войти в комнату.

Однако Кевин с совершенно наглым видом облокотился на изголовье кровати, похлопал по стоявшей рядом деревянной тумбочке и лениво протянул:

— Я столько времени валялся в гробнице. Хочу помыться, хочу в термальный источник, иначе кусок в горло не лезет.

Очевидно, что выкопать прямо в спальне термальный источник никто бы не смог, так что для мытья нужно было выйти наружу.

Освальд бесстрастно оглядел его с ног до головы и сказал:

— Прости, но ты мылся только этим утром. Неужели даже не заметил, что на тебе совсем другая одежда?

— ...

Проснувшись, он был слишком занят мыслями о том, как взломать замок, и успел раз сто мысленно обложить Императора всеми известными ругательствами, так что на собственную одежду и впрямь не обратил никакого внимания.

Посмотрев на себя, он не сдержался:

— И кто меня мыл?

Освальд холодно хмыкнул:

— Твои странные раны то открываются, то затягиваются сами по себе. Разве можно показывать такое кому-то постороннему? Как думаешь, кто?

— ...

На самом деле, услышав такой ответ, Кевин испытал лишь легкое разочарование от того, что лишился отличного предложения выйти из комнаты.

Однако, подняв взгляд, он заметил, что на какое-то мгновение на вечно бесстрастном лице Освальда проступила едва уловимая неловкость. И надо же было такому случиться, что Кевин поймал именно эту мимолетную эмоцию.

В результате и сам Кевин, до этого чувствовавший себя совершенно свободно, ощутил легкое смущение. Переглянувшись, они пару секунд молча смотрели друг на друга, после чего Кевин решил просто замять эту неловкую тему.

Кевину повезло: это чувство промелькнуло быстро, словно глупый кот легонько царапнул лапкой и тут же убежал, не оставив глубоких следов.

Кевин устроился на постели поудобнее и, вздернув подбородок в сторону Освальда, сказал:

— Ладно, не буду с тобой спорить. Считай это расплатой за то, что я усыпил вас всех под землей. Где еда? Я голоден.

Освальд приподнял бровь и с серебряным подносом в руках вошел в спальню.

Но стоило ему подойти к кровати и наклониться, чтобы поставить поднос на тумбочку, как Кевин резко подался вперед. Стремительным, молниеносным движением он набросил тяжелую железную цепь на шею Освальда и затянул ее.

Император от рывка повалился на кровать. Кевин рассчитал силу с ювелирной точностью: ровно настолько, чтобы сбить противника с ног, но не придушить.

Не давая Освальду опомниться, он ловко перекатился и навалился сверху.

Правым коленом Кевин прижал к постели левое запястье Освальда, левой рукой перехватил его вторую руку, а правой, продолжая натягивать цепь, уперся в его горло. Взирая на него сверху вниз, он спросил:

— Где ключ? У тебя или у стражи?

Он удерживал его так умело, что Освальд не испытывал сильной боли. Слегка приподняв подбородок, Император коротко усмехнулся и прищурился:

— Что, решил помериться со мной силами?

— У меня полно способов завязать эти цепи на тебе мертвыми узлами. Если я не могу освободиться, то и ты никуда не уйдешь, — Кевин изогнул бровь. — Вообще-то я не люблю драться на таком близком расстоянии, это выглядит слишком нелепо. Так что скажешь? Сними с меня эти штуковины, и я побью тебя чуть меньше.

— Какая выгодная сделка, — съязвил Освальд. — Сниму я их или нет, ты все равно меня поколотишь. В детстве мне и так от тебя доставалось, так что одной трепкой больше, одной меньше — неважно.

— ...

Упрямство этого паршивца, который совершенно не боялся взбучки из-за своей толстокожести, лишило его аргументов. Кевин впервые всерьез задумался: может, воспитание ремнем действительно себя не оправдывает и только плодит подобных бунтарей?

За прошедшие сто лет он успел свыкнуться со своей человеческой долей и обычной силой, нисколько не скупая по былому божественному могуществу. В современном мире все были равны, а Божества казались бы лишь чужаками. В конце концов, если кто-то обладает силой, значительно превосходящей человеческую, это всегда влечет за собой неприятные

последствия.

Но сейчас, глядя на эту толстокожую и на редкость живучую тушу по имени Освальд, он вдруг заскучал по тем временам, когда владел божественной силой. Будь он прежним Богом Света, непременно подвесил бы этого обнаглевшего Императора одним пальцем за купол Храма Бога Света и оставил бы сушиться на месяц-другой, пока тот не превратится в вяленое мясо.

Задумавшись в таком положении, Кевин, однако, ни на миг не ослабил хватку.

Но когда он очнулся от своих мыслей, то обнаружил, что прижатый к постели Император пристально, не отрываясь, смотрит ему в лицо. Когда его светлые, почти прозрачные глаза так пристально всматривались в человека, от этого взгляда всегда исходила какая-то невидимая сила, заставлявшая чувствовать себя не по себе с головы до ног.

Кевин слегка отвернулся и с досадой спросил:

— Чего уставился? Где ключ?

— А-а, — протянул Освальд и невозмутимо добавил: — Спрятан у меня на теле. Ищи сам.

Кевин перенес вес, придавив левым коленом другое запястье Освальда, и высвободил руку. Первым делом он отвесил Императору звонкий шлепок по лбу. Удар вышел весьма ощутимым, и на коже сразу проступило красное пятно.

— Ты, как я погляжу, совсем страх потерял, — отчитал он его.

Освальд усмехнулся и равнодушно бросил:

— Похоже, ты перепутал, кто из нас двоих на самом деле устраивает бунт.

— Хм, — Кевин протянул руку, цапнул с серебряного подноса на тумбочке ломоть ржаного хлеба и без лишних слов запихнул его Освальду в рот, затыкая того силой. — Чтобы ты больше не болтал глупостей, закроем тебе рот. Не благодари.

— ...

С этими словами Кевин принялся бесцеремонно обыскивать Освальда.

Он делал это быстро и уверенно, словно ему хватало лишь легкого прикосновения кончиков пальцев, чтобы понять, спрятано ли что-то в складках одежды. Сам Кевин не испытывал никаких неудобств, а вот обыскиваемый Освальд пребывал в легком замешательстве.

— Эй, ты чего делаешь? — Кевин, поймав шлепок по пальцам, с раздражением вытащил изо рта Императора кусок ржаного хлеба. — Ладно, даю тебе возможность сказать одно слово.

Освальд дважды кашлянул и проворчал:

— Ты можешь обыскивать меня не так нежно? У меня от твоих прикосновений уже мурашки по коже.

— Морока с тобой! — Кевин покачал головой и, бросив эту фразу, снова заткнул рот Императора хлебом.

Освальд мысленно выругался на все лады.

После жалобы Императора Кевин наконец стал действовать грубее. Ощупав верхнюю половину тела, этот невыносимый человек проворчал:

— И зачем шить Императору такую сложную одежду? Тебе самому в ней не тяжело?..

С этими словами он потянулся к штанам Освальда.

Не успел он сделать и пары движений, как Кевину снова пришлось с раздражением вытащить хлеб:

— Ну и что опять не так, дражайший Император?

Освальд на этот раз промолчал:

— ...

Он скосил глаза ниже пояса, выразительно посмотрел на руку Кевина, затем на себя, после чего поднял взгляд и с неловким и обреченным видом спросил:

— Сам как думаешь?

Как бы это выразиться... Мысли Императора порой принимали весьма двусмысленный оборот, но выражал он их крайне завуалированно. Из-за этого Кевин, чьи манеры были куда грубее, но помыслы в данный момент — совершенно невинны, не сразу понял намек.

Не выдержав, Освальд с позеленевшим лицом выпалил:

— Если ищешь ключ, так ищи, но можно обойтись без этих грязных прикосновений?

— ...

С какой стати он стал вести себя грязно?!

Все его мысли были заняты исключительно поисками ключа, и он не обращал внимания на такие мелочи. Лишь когда Освальд без обиняков обвинил его в грязных прикосновениях, до него наконец дошло, куда именно потянулась его рука.

Только тогда до него наконец дошло, и он, протянув удивленное «А-а», поспешно отдернул руку, после чего крайне неискренне извинился:

— Прости, но ты сам меня запер. Я просто разозлился и не заметил, куда тянусь.

Сказав это, он примирительно похлопал Освальда по бедру и небрежно бросил:

— Ладно, не кипятись. Поищу в другом месте.

— ...И куда ты опять меня хлопаешь?

<http://bllate.org/book/18285/1753223>